

Studia Culturae: Вып. 3 (29): Academia: Е.А. Овчинникова. С. 18-27

Е.А. ОВЧИННИКОВА

доцент, кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА И ИДЕОЛОГИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Работа выполнена при поддержке Гранта РНФ № 14-18-00192, СПбГУ

В статье представлен анализ проблемы соотношения этики и идеологии в русской культуре рубежа XIX–XX веков, на историческом материале рассматривается судьба теоретической этики в России, разнообразие теоретических форм этического знания в культуре этого периода, формирование предметного своеобразия этической мысли и основные проблемы, определившие особый строй моральной рефлексии русской культуры.

Ключевые слова: русская культура, этика в России, этика и идеология

Е.А. OVCHINNIKOVA

Associate Professor, PhD, Associate Professor

Saint-Petersburg State University

ETHICS AND IDEOLOGY IN RUSSIAN CULTURE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES

This article was supported by Grant RNF № 14-18-00192, SPbSU

The article presents an analysis of the problem of the relation of ethics and ideology in Russian culture abroad XIX–XX centuries on the historical material is considered the fate of theoretical ethics in Russia, the theoretical diversity of the forms of ethical knowledge in the culture of this period, the formation of the objective identity of ethical thought and the main problems, defined a specific system moral reflection of Russian culture.

Keywords: Russian culture and ethics in Russian, ethics and ideology.

Судьба теоретической этики в России всегда была неотделима не только от статуса и институционального характера философии¹, но зависела, прежде всего, от социально-политических факторов,

---

¹ Судьбам философии в России посвящено немало исследований; в последние десятилетия были опубликованы следующие исследования: Бажанов В.А. Прерванный полет: История «университетской» философии и логики в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995; Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во РХГА, 2003; Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003): Справ.-энцикл. изд. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003; История философской мысли в Московском университете. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

идеологических установок и нравственных векторов русской культуры. Русская этическая мысль в ее теоретических формах следовала за европейской философией и проходила необходимые для становления этики этапы освоения наследия Аристотеля, вольфианства, кантианства, влияния Гегеля и мыслителей XIX века, но при этом переживала сложные, драматические периоды упразднения, запрета и возвращения, «восстановления в правах». Это особая страница истории этики как университетской науки, учебной дисциплины в России на протяжении XVIII–XIX веков. Наиболее драматично складывались отношения этики и государственной идеологии на протяжении XIX века. Первоначальный этап формирования этики как научной дисциплины завершается уже в двадцатые годы XIX века, поскольку этика преподавалась преимущественно приглашенными немецкими профессорами в духе кантовской традиции автономной морали, а к середине XIX века во всех российских университетах (кроме Дерптского университета) было прекращено преподавание философских дисциплин.

Революционные настроения в Европе, события 1848–1849 гг. во многом определили и судьбы философии в России, поскольку политические движения и революционные идеи подчас ставились в прямую зависимость от философских учений. Ограничение преподавания философских дисциплин было продиктовано стремлением к сохранению незыблемости политических установлений. В ноябре 1849 г. приостанавливается преподавание государственного права, на поданном докладе император Николай I оставил следующую резолюцию: «Дельно, и не возобновлять, совершенно лишнее» [9, С. 265]. В 1850 г. министр народного просвещения, кн. П.А. Ширинский-Шихматов, подал императору записку с анализом характера преподавания в высших учебных заведениях, в которой предложил запретить преподавать философские дисциплины: теорию познания, метафизику и этику. Этику предлагалось упразднить, поскольку, по мнению министра, все, что включается в предмет нравоучительной философии представлено нравоучительным богословием. По мысли П. А. Ширинского-Шихматова, только логика могла оставаться в стенах университета на том лишь основании, что, изучая логику, студенты учатся правильно мыслить, что необходимо в постижении других наук. Сохранялось и преподавание психологии, которое было возложено на профессоров богословия. В дневниковых записях А. В. Никитенко за 1850 год можно встретить следующее замечание: «Опять гонения на философию. Предположено преподавание ее в университетах ограничить логикой и опытной психологией, поручив и то и другое духовным лицам... У меня был Фишер, теперешний профессор философии, и передавал разговор с министром. Последний главным образом опирался на то, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [5, С. 517]. Таким

образом, в 1850 г. Высочайшим повелением курс философии был ограничен логикой и опытной психологией с присоединением этих курсов к кафедре богословия, программы по этим наукам должно было составлять совместно с духовным ведомством, кафедры философии в университетах были упразднены. В отчете Министерства народного просвещения за 1852 г. было объявлено о прекращении «провозглашения с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии, с поручением чтения логики и психологии профессорами богословия», что «сроднило» эти науки «с истинами откровения»[3, С. 153]. Кроме того, было запрещено преподавание государственного права европейских государств. В Санкт-Петербургском университете 26 января 1850 г. был упразднен философский факультет, чуть позже, в ноябре 1850 г., были упразднены педагогические институты при университетах и вместо них учреждены кафедры педагогики. Что касается этики как философской дисциплины, то ее преподавание, как уже было замечено, завершилось еще раньше, чем философии. Таким образом, этика была вытеснена из академической среды на долгие десятилетия. В истории университетской науки на протяжении практически всего XIX века (а далее и первой четверти XX века) идеологическое влияние определяло судьбу этики как науки и как учебной дисциплины.

Но в результате «вытеснения» этики из университетской среды, и даже фактического упразднения ее, создается своеобразное «дисциплинарное пространство» этического в русской культуре [см.: 6, С. 84–85]., и если университетская этика в первой половине XIX века не выходила за пределы академического пространства, то к концу века она непосредственно включается в формирование этического дискурса и моральной идеологии. В связи с этим следовало бы проследить, как выстраивается это этическое «дисциплинарное пространство» к концу XIX и началу XX веков, каковы основные особенности и тенденции этической мысли данного периода. Именно рубеж веков вошел в историю русского философствования как особая эпоха Духовного Ренессанса. Не претендуя на воссоздание всей полноты картины столь сложной в духовном, интеллектуальном, социально-политическом отношении эпохи, хотелось бы проанализировать разнообразие теоретических форм этического знания в культуре этого периода, формирование предметного своеобразия этической мысли и обозначить основные факторы, определившие особый строй моральной рефлексии русской культуры.

Возвращение этики в университетскую среду.

Возвращение этики, как и других философских дисциплин в университетскую среду стало возможным с принятием Университетского устава в 1863 году. Философию просили вернуть в университеты многие

попечители университетских округов, сетуя на то, что в отсутствии философии падает интеллектуальный уровень студенчества. В учебные программы университетского образования были возвращены общепhilosophические курсы, курсы истории философии, такие разделы философского знания, как этика и эстетика. Но преподавание философии начинается чуть позже, уже только в семидесятые годы XIX века. С этого времени начинается постепенное возрождение университетской философии в России, духовный облик которой вновь будет определять немецкая философия, прежде всего кантианская традиция. Это был своеобразный возврат к Канту, о котором писал Вл. Соловьев. Кант, по замечанию Вл. Соловьева, поднял общий уровень философского мышления, а в области этики немецкий мыслитель «дал безукоризненные и окончательные формулы нравственного принципа и создал чистую или формальную этику, как науку столь же достоверную, как чистая математика»[8, С. 199]. Однако, если в начале XIX века в курсах этики, ориентированных на моральную философию Канта, акцент делался прежде всего на идее автономии морали, обосновании предмета этики и вычленении категориального аппарата, то на более поздних этапах развития русской этической мысли в центре внимания философов проблема кантовского метода, метафизическое обоснование нравственности, императивность теоретической этики. Университетские профессора развивали идеи немецкого мыслителя применительно к новым историческим реалиям и задачам. Теоретическая этика начинает рассматриваться не в отрыве от нравственной жизни, она призвана отвечать на насущные вопросы бытия человека, а философ – воспитывать нравственно своих учеников. Так, следуя критической философии Канта, А. И. Введенский (профессор Санкт-Петербургского университета, возглавлявший кафедру философии с 1888 г.) на первое место выносил проблему формирования научного мировоззрения, сущностью которого является вопрос о смысле жизни («Совокупность ответов на все вопросы, возбуждаемые вопросом о смысле существования человека, называется мировоззрением»). По глубокому убеждению А. И. Введенского, призвание университетской науки – воспитание будущих поколений: «... русская философия воспитает деятелей, имеющих для жизни России значение не меньшее, чем славянофилы и западники, а для философии всего мира такое же, как и Лобачевский»[2, С. 62]. Именно на рубеже веков в русской этической мысли возникает и концептуализируется понятие «смысла жизни», актуализируется проблема обоснования добра, моральной свободы и свободы воли. Кантовская традиция в моральной философии приводила к осмыслению морального субъекта, индивидуальной, или, субъективной нравственности. Образ профессора философии становится предметом обсуждения, дискуссий в

университетской среде, предметом саморефлексии философского сообщества. К преподавателю философии предъявляются повышенные требования не только профессионального, но, прежде всего морального характера. Любопытный портрет профессора философии предлагает один из современников, исследователь русской философской традиции Е. А. Бобров: «Настоящим профессором может быть лишь тот, кто любит это дело, т.е. тот, кому приносит удовольствие и радость самый процесс передачи своих знаний другому, лишь тот, кто учит с радостью, и для кого лишение этой его преподавательской обязанности и деятельности является сердечной утратой и печалью. Настоящим профессором философии является тот, кому доставляет радость самая возможность учить философии, кому приятна самая эта философская учеба, в ком рождается чувство довольства при передаче философии своим слушателям. Там, где этого нет, где философия передается без радости, индифферентно, или даже с чувством томления и досады, туда никогда не слетит веселый Эрос философии» [цит. по: 7, С.227].

Подобное внимание к образу «настоящего» профессора философии особенно примечательно, учитывая задачи которые ставились перед этикой. Вытесненная из университетских аудиторий, она приобретает характер стратегии культуротворчества, занимает важное место в публицистике и литературе. Уже после возвращения этики в состав образовательных и научных дисциплин в 1870-е удивительным образом академическая форма в культуре сосуществует с этикой как стратегией, которая имеет, конечно, гораздо более широкую аудиторию и влияние. Более того, эти две формы даже в некоторых случаях противопоставляются друг другу. Неудивительно, что «панморализм», как результат «литературной» этики (этики-стратегии) приводит к тому, что особое внимание уделяется действующему субъекту, а социальная реальность подвергается моральной оценке. Отсюда и внимание этики к политике, к праву, к экономике и т.д. Особо значимым в контексте культуротворчества приобретает формулирование критериев нравственного субъекта, интерес к проблеме соотношения «слова и дела». Интересно, что внешняя по отношению к содержанию академической этики, но претендующая на тотальность, «этика - стратегия культуротворчества» диктует свои критерии, в том числе и представителям академической среды, какими им быть. Таков приведенный выше пассаж Е. А. Боброва, который рассматривает философа именно с точки зрения публицистической.

В этом смысле все предъявляемые к субъекту моральны требования оказываются основой для формирования этоса интеллигента. Проблемы, поднятые «этикой-стратегией» буквально за два десятилетия превращает социальную группу, определяемую скорее статистически как относящуюся к определенному сословию, в имеющую свою идеологию, задачи,

исповедующую определенные взгляды, и самое главное, обладающую собственной идентификационной моделью. Фактически этот поворот означал, что этика оказывается самодостаточной для определения образа субъекта и моделей его поведения. Именно в этот период формируется, выстраивается не только «этика убеждений», но и «этика ответственности» (употребляя терминологию М. Вебера), очерчивается проблемное поле и специфика моральной ответственности.

Значительное влияние на формирование не только теоретического знания, но и морального сознания общества оказала философская мысль Гегеля¹. В контексте рассматриваемой проблемы хотелось бы обратить внимание на своего рода «идеологическое» влияние Гегеля на русскую мысль и русское общество. Влияние идей Гегеля на предметное своеобразие русской этической мысли данного периода выразилось, прежде всего, в обращенности мыслителей к объективной стороне нравственной жизни, разграничения субъективного и объективного в категориальном этическом строе, анализу объективированных состояний морали и нравственности и их различений. В «Философии права» Гегель детализирует содержательную сторону понятий мораль и нравственность, придавая им категориальный статус. Понятие мораль означает сферу сознания индивидуального или коллективного субъекта. Это сфера свободы духа, обусловленная человеческим своеволием, заданная индивидуальной мотивацией, системой ценностей, убеждений и идеалов. Наряду с моралью Гегель вычленяет нравственность, как специфическую сторону социальных отношений, существование которой поддерживается такими социальными институтами как семья, гражданское общество и государство. Мораль стала трактоваться как некая идеальная ментальность, которая реализуется, проявляется в системе нравственных отношений. Важно отметить, что таким образом «схваченные» понятиями явления морального сознания и нравственных отношений стали закрепляться, фиксироваться, воспроизводиться и изучаться в этике как бытующая реальность. Русской этической мыслью был воспринят важный постулат этики Гегеля о взаимопроникновении идеи и действительности, снятии границы между действительностью и идеей, что приводило к формированию идеологического уровня в моральном сознании.

Не без влияния гегелевской философской традиции к концу XIX века формируется русская школа философии права (к ней можно отнести таких мыслителей, как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев и ряд других философов), этическая мысль выходит в пространство социального,

---

¹ Говоря о влиянии Гегеля на русскую мысль, следует упомянуть обстоятельное исследование Д. И. Чижевского. Гегель в России. Париж, 1939 (СПб, Наука. 2007).

правового, политического анализа, разворачиваются дискуссии о соотношении права и нравственности, индивидуальной нравственности и институционального характера морали, «нравственной жизни общества» и «нравственного быта», теоретические модели «этики добродетели» и «этики справедливости» [1], идеалов индивидуального совершенствования личности и общественных идеалов.

Перед философией, и, прежде всего, этикой ставятся задачи не только теоретического характера, но прежде всего «просвещенческого» и идеологического. Своеобразным манифестом этики в 80-ые гг. звучит работа К. Д. Кавелина «О задачах этики». Анализируя состояние этики, моральной проблематики в России и Европе, К. Д. Кавелин писал: «Возрастающий интерес к этике замечается в последнее время не только в Европе, но и у нас, и притом с оттенком, который показывает, что склонность в сторону этических вопросов не есть только дело моды, подражания или мимолетного увлечения, а выражение действительной потребности. В европейской литературе вопрос о нравственности снова поднят, поставлен на очередь и тщательно разрабатывается, как предмет теоретического исследования и научного интереса: у нас же он вызван практическими соображениями, злобою дня и, можно сказать без преувеличения, живо затрагивает всех и каждого...» [4, С. 902]. Далее Кавелин сопоставляет состояние институциональной сферы социальной жизни в Европе и в России и делает следующий вывод: «В случае расстройств общественной и политической организации в Европе, никому не приходит в голову искать причины в ослаблении или отсутствии нравственного чувства или этических идеалов; всякий приписывает ее порче механизма, управляющего общественною и политическою жизнью, и убеждает, что стоит только исправить, обновить или улучшить слабые его части, и машина будет продолжать действовать так же исправно, как прежде. Иначе обстоит дело у нас. Выработкой и совершенством общественных форм мы не можем похвалиться. Люди, не находя прочного устоя в объективных условиях общественного быта, естественно ищут его в индивидуальных нравственных качествах. <...> Не мы, конечно, станем отрицать необходимость законодательных и административных реформ в России; но ожидать от них одних разрешения всех вопросов, поставленных ходом всемирной истории, значит крайне суживать смысл того движения умов, которое происходит теперь всюду.... В Европе оно только заслонено выработанностью и совершенством общественных и политических форм, и потому потребность в нравственном обновлении выражается более теоретически, не так непосредственно и ярко, как у нас» [4, С. 903]. Поэтому в России главная задача этики – «указать индивидуальному лицу путь нормального духовного развития и совершенствования», сформировать «нравственно развитого человека» как наилучшего из граждан,

«членов организованного общежития, потому что, по внутреннему убеждению, исполняет обязанности и приносит жертвы, необходимые для правильного сожительства людей»[4, С. 1002]. Таким образом, в задачи этики входит формирование нравственной личности, потому что «построить крепкое и прочное здание общественности» возможно только при условии, что «она поддержана внутренним убеждением, а без такой поддержки общественность становится шаткой, колеблющейся и призрачной» [4, С. 1003].

Моральная идеология и «этика убеждений».

Этика к концу XIX века выходит к социальным, прикладным проблемам¹, поскольку от этики требуют не кабинетных теорий, а ответов на социальные, политические запросы общества и личностного участия в моральном историческом выборе. Теоретические дискуссии вышли за пределы университетских аудиторий, академических кафедр и стали одним из факторов формирования как общественного морального сознания (на уровне общественной морали), так и индивидуального морального сознания, личностной моральной рефлексии.

Если к середине XIX века «вытеснение» этики из университетской среды способствовало формированию «панморализма» (по выражению В. В. Зеньковского) русской мысли, то к концу столетия процесс «этизации» русской культуры приводит к формированию особого типа личности – русского интеллигента. Высокий уровень теоретической этической рефлексии, сложившийся в интеллектуальной среде этого периода позволил выстроить и обосновать систему моральных идей, формирующих моральные убеждения и составляющих особый идеологический уровень морального сознания личности и общества. На идеологическом уровне морального сознания выстраивается социально значимый ценностный ряд моральных понятий, структурирующих моральные убеждения личности.

К концу XIX века в русской культуре этика сформировалась как философская наука и образовательная дисциплина, с одной стороны, и как особый теоретико-идеологический уровень морального сознания, моральной рефлексии, с другой стороны. Становление теоретической этики определялось в истории русской культуры не столько логикой развития самой науки, сколько социально-политическими запросами, культурными и идеологическими векторами, что обусловило

---

¹ В данном контексте можно упомянуть работу Вл. Соловьева «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики». СПб., 1897; концепт «социальной этики» в работе С.Л. Франка «Духовные основы общества».

обращенность этики к прикладным проблемам, сформировало предметную область социальной этики, этики права, этики воспитания.

На рубеже веков русская этическая мысль была представлена как в университетской традиции, так и в иных формах философско-теоретической рефлексии. Этика вышла за пределы университетской среды в пространство русской культуры, на страницы журналов, записок и мемуаров, художественных и публицистических текстов, политических дискуссий. Это был особый период в истории русской этической мысли, несколько десятилетий рубежа веков, сформировавший своеобразное поле этической рефлексии и интеллектуальное сообщество, в котором были представлены профессора философии, писатели и публицисты, критики и журналисты, ученые естествоиспытатели и богословы. Именно в эти годы сформировался свойственный русской культуре нравственный и интеллектуальный тип личности – русский интеллигент (напомним, что сам термин «интеллигент» вошел в оборот в 70-ые гг. XIX века), основной характерной особенностью которого становится прежде всего напряженная моральная рефлексия. Можно сделать вывод о том, что этика в России была представлена не только как определенная система теоретических конструкций, метафизических концепций, но, прежде всего, как моральная идеология, как «этика убеждений», по выражению М. Вебера, – система взглядов, определяющая образ мыслей и образ жизни, сформировавшая и нравственный тип личности и особый социальный слой – интеллигенции, которой, по выражению П.И. Новгородцева, была присуща задача «сознательного строительства жизни».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барташевич Т.Ю.* Концептуализация этики добродетели в русской философии права конца XIX – начала XX века (К.Д. Кавелин, Б.Н.Чичерин)//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2014, вып.4. С.21–26.
2. *Введенский А.И.* Судьбы философии в России// Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск. 1991.
3. Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. VXXVII. 1853.
4. *Кавелин К.Д.* Задачи этики / Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Том третий. Наука, философия и литература. СПб, Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 1256 С. Задачи этики С. 897-1018.
5. *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826-1877). Т.1. СПб., 1893.
6. *Овчинникова Е.А.* Этика и идеология: сценарии взаимодействия в русской культуре (XVIII – первая половина XIX века)// Новое литературное обозрение. 2015, № 133. С.76–85.
7. *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во РХГА, 2003.
8. *Соловьев Вл.* Кант // Философский словарь Вл. Соловьева. Р-н-Д. 2000.
9. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного Просвещения. 1802-1902. СПб., 1902.

TRANSLIT

1. *Bartashevich T.Ju.* Konceptualizacija jetiki dobrodeteli v ruskoj filosofii prava konca XIX – nachala XX veka (K. D. Kavelin, B. N. Chicherin)//*Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Serija 6. 2014, vyp.4. S.21–26.
2. *Vvedenskij A.I.* Sud'by filosofii v Rossii// *Vvedenskij A.I., Losev A.F., Radlov Je.L., Shpet G. G.: Ocherki istorii ruskoj filosofii.* Sverdlovsk. 1991.
3. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija.* Ch. VXXVII. 1853. S.153
4. *Kavelin K.D.* Zadachi jetiki / *Sobranie sochinenij K.D. Kavelina.* T. III. Nauka, filosofija i literatura. SPb, Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1899. 1256 s. Zadachi jetiki. S. 897–1018.
5. *Nikitenko A.V.* Zapiski i dnevnik (1826–1877). T.1. SPb., 1893. S.517.
6. *Ovchinnikova E.A.* Jetika I ideologia scenarii vzaimodejstvija v ruskoj culture (XVIII – pervaja polovina XIX veka)// *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2015, vyp.133, S.76-85.
7. *Pustarnakov V.F.* Universitetskaja filosofija v Rossii: Idei. Personalii. Osnovnye centry. SPb.: Izd-vo RHGA, 2003.
8. *Solov'ev Vl.* Kant // *Filosofskij slovar' Vl. Solov'eva.* R-n-D. 2000.
9. *Rozhdestvenskij S.V.* Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo Prosveshhenija. 1802-1902. SPb., 190